

«Конституция Крыму помогла»

Председатель Ассоциации юристов России Сергей Степашин —
в эксклюзивном интервью «Крымским известиям»

шестнадцать лет пробыла у руля, и заметьте, никто ни слова не сказал про демократические принципы. Нужно отдать должное юридически грамотной позиции президента Путина — многие современные поправки были его личной инициативой. Например, усиление роли парламента не только с точки зрения контроля за бюджетом, подготовки законодательства, но и — самое главное — в вопросе назначения самого правительства, как, кстати, и было при Верховном Совете, когда все министры назначались через одобрение парламента. Тогда кандидатуры представлял президент, а назначал Верховный Совет.

У нас теперь есть новые субъекты, и их статус также прописан в нашей Конституции. Это очень важно и для нынешнего Крыма, и для новых территорий. В современной редакции Основного Закона были уточнены некоторые исторические аспекты, связанные с единством народа, прописаны культурологические категории, даже упомянут Всевышний — Бог. В этом есть определённая необходимость: люди должны понимать, что Конституция не оторвана от реалий, в которых живёт сегодня страна.

Однако, говоря о реформировании, не вижу необходимости в том, чтобы что-либо серьёзно и концептуально менять в Основном Законе — Конституция успешно прожила 30 лет. По срокам функционирования она у нас на втором месте. Длительнее всего функционировала «сталинская» — 1936 года, хотя писал её не сам Сталин. Да, Иосиф Виссарионович её редактировал, но работали над ней Николай Иванович Бухарин и группа товарищей из Института марксизма-ленинизма. По форме она была одной из самых демократичных в мире. Там всё было прописано: и права человека, и многие другие важные положения. Говоря о любом Основном Законе, отмечу: не менее важны и подзаконные конституционные акты, которые регламентируют деятельность Конституции. Самое важное на данный момент — чтобы она выполнялась, особенно в вопросах прав человека, социального государства, предоставления образования, медицинской помощи. Все эти положения прописаны в Конституции, и она действительно должна реально работать.

Особую роль в социально-политической системе современной России играет Конституционный суд, который был создан при Борисе Николаевиче Ельцине. Он является гарантом её выполнения и источником единой официальной трактовки Конституции в случаях, когда есть двойное прочтение некоторых позиций. Но самая главная его функция — защита самой Конституции.

Не вижу необходимости в принятии новой Конституции. Да и прекрасно понимаю, что в ближайшее время этого не будет. Ни президенту, ни Совету Федерации, ни Государственной Думе это не нужно. Нынешняя Конституция даёт возможность нормально работать и жить, даже в условиях, по сути, военного времени. Вы обратили внимание на расширенные полномочия президента в части, касающейся военного времени: Совет Федерации имеет право принимать соответствующие решения. Наша Конституция — это серьёзный и хорошо работающий Основной Закон. А некоторые страны вообще без неё

Москва. Казанский вокзал. Раннее утро. Сразу же в фойе здания бросились в глаза баннеры с поздравлением по случаю недавнего тридцатилетия российской Конституции. Действительно, знаковое событие уже уходящего 2023 года.

«Этот декабрь необычно сыкатный даже в Москве», — отметил, выходя из станции метро «Китай-город». Дальше несколько поворотов по изогнутым улочкам старой Москвы, и передо мной знакомый особняк на улице Забелина, дом 3, строение 2. Центр Императорского Православного Палестинского Общества.

Это не первая встреча с Сергеем Вадимовичем, возглавляющим в том числе и эту, одну из старейших общественных организаций в России, но всегда по-особому волнующая. Кабинет. Его крепкое рукопожатие, густой и тёплый голос, приглашение сесть за уже знакомый стол в кабинете. На этот раз беседа в присутствии заместителя руководителя секретариата фракции «Единая Россия» в Государственном Совете Республики Крым — историком Дмитрием Малышевым.

— Сергей Вадимович, это — наша парламентская газета... — говорю, доставая добрую стопку номеров «Крымских известий» за 2023 год для библиотеки Императорского Православного Палестинского Общества.

— Её не было раньше, до 2014 года?

— Была, ещё с советских времён, издаётся с октября 1991 года. Нам уже более тридцати лет. Учреждена при первом Председателе Верховного Совета Крымской АССР Николае Багрове, то есть ещё до времён нашего первого президента республики — Юрия Мешкова.

— Мешкова лично я хорошо знал. Мы встречались с ним, когда работал в Верховном Совете России. Уже тогда, в 1992 году, мы боролись за Крым. Наверное, на полуострове люди старшего поколения помнят и знают о том, что Верховный Совет России принял это важное решение о том, что Крым никакого отношения к Украине не имеет. Именно поэтому Мешков и приезжал в те дни для консультаций в Москву. Тогда можно было и нужно было додавливать это политическое решение.

Совершенно спокойно и уверенно это делать. Украина никуда бы не делась и приняла его. Правильно говорю?

— Да. Никуда. Наши крымские политические старожилы не раз упоминали о том, что, если бы тогда давили и если бы Борис Николаевич к этому вопросу подошёл гораздо жёстче, то по линии — от Харькова до Одессы — вся эта территория уже тогда была бы нашей и вернулась домой гораздо раньше.

— Конечно. Но, безусловно, надо было начинать с Крыма. Кстати, Севастополь вообще никакого отношения к Украине не имел даже юридически — и вы это знаете, — он был городом федерального подчинения, военно-морской базой СССР. Я потом неоднократно говорил Шахраю и Бурбулису: вы же этот документ составляли (о Беловежских соглашениях). Надо же было как-то учесть этот факт...

Пауза. Сергей Вадимович пробегаёт взглядом по свежим номерам «Крымских известий», вглядывается в один из них, с фотографией Председателя Государственного Совета Республики Крым на первой странице, и как опытный политик даёт ёмкую оценку главе крымского парламента: «Он — человек предметный, последовательный защитник Русского мира». Соглашаюсь и ненавязчиво возвращаю диалог в прежнее русло.

— В ваших мемуарах «Пойти в политику и вернуться» тема Конституции раскрыта большими штрихами, без излишней детализации. Предыстория, октябрь 1993-го, — да, подробно. Первый вопрос: Сергей Вадимович, как председатель Ассоциации юристов России дайте, пожалуйста, свою оценку действующей российской Конституции, её потенциалу. И — второе: как вы оцениваете дискуссии о необходимости изменения некоторых положений Основного Закона?

— Первое. О детализации. Напомню, что тогда готовилось два проекта Конституции: в разработке одного из них прини-

мал непосредственное участие в Верховном Совете. Олег Румянцев, секретарь Конституционной комиссии в 1990—1993 годах, возглавлял рабочую группу, усилия которой были направлены на построение модели парламентской республики в России. После событий 1993 года, после известного указа 1400, роспуска Верховного Совета, расстрела Белого дома был подготовлен второй вариант проекта Конституции, которым занимались Рэм Хохлов, Анатолий Собчак, Вениамин Фёдорович Яковлев, Сергей Шахрай. Она была, прямо скажем, пропрезидентской, и понятно, почему: после событий 1991—1993 годов огромная страна управлялась «Новгородским вече» (условно говорю): сложно. Повторюсь, дело было совершенно не в позиции Ельцина по формуле власти. Ельцин в 1999 году добровольно ушёл с поста президента. Да, некоторые положения проекта он правил лично, но, однозначно, не выстраивал их под себя.

В 1993 году высшим органом власти был съезд народных депутатов.

— Ну да это, по сути, советская система...

— Нет, советская система была условно-парламентской. Люди собирались раз в году: голосовали, получали зарплату, спецнабор и — всё. Руководящей и направляющей силой по шестой статье брежневской Конституции была КПСС. Партия всё и решала.

Возвращаюсь к проектам Конституции. Второй вариант, о котором мы говорим, был направлен на усиление президентской власти в республиканской системе управления. В нём был сделан чёткий необходимый акцент на сильную президентскую власть: страна потихоньку расплзлась, и это было очевидно всем.

Второе. В наши дни жизнь показала, что ряд поправок нужно было действительно вносить в Конституцию, и ничего в этом зазорного нет. Кстати, они к настоящему моменту внесены уже несколько раз. Обсуждения касались и сроков полномочий президента. Хотя... не считаю это принципиальным вопросом. В той же Франции в своё время президент находился у власти в течение семи лет за каденцию. В Германии канцлер Меркель (не президент, но по Конституции ФРГ — ключевая политическая фигура) — почти

«Конституция Крыму помогла»

→ стр. 3

живут. В той же Великобритании действует прецедентное право. А у нас есть Конституция, и весьма достойная.

— Скажите, пожалуйста, какие интересные факты как человек, который находился в самой гуще событий 1993 года, вы можете рассказать о процессе подготовки нынешней Конституции специально для «Крымских известий»? Поведайте какой-то эксклюзив.

— Неординарность нынешней Конституции, наверное, и в том, что за такие короткие сроки Основные Законы у нас никогда не готовились. После событий 1993 года, и особенно после первых выборов в Государственную Думу, мы увидели совершенно иной разворот политической системы — партия Жириновского тогда заняла первое место. Открывалась новая страница истории.

А до этого, в условиях жёсткого политического кризиса 1993 года, было очень важно в достаточно короткие сроки подготовить высший нормативный правовой акт страны. Сейчас говорят: «Ельцин, Ельцин», намекая на характер Основного Закона с прерогативами ярко выраженной президентской власти. О подготовке Конституции знаю не понаслышке. Ельцин действительно активно работал над самим текстом. Это можно проследить по архивам или музеям. Он вносил достаточно много поправок в Основной Закон, причём достаточно содержательных. И именно с его поправками проект действующей Конституции был вынесен на референдум. Основной Закон был принят голосованием всего народа. Это очень важно. Напомню, что предыдущие советские Конституции на референдум не выносились. Одобрав проект Основного Закона, люди проголосовали не только за характер сильной президентской власти, но и за те права, которыми они были ею наделены. В те дни велась серьёзная полемика между двумя группами юристов — Сергея Алексеева и Станислава Хохлова.

Сергей Сергеевич — человек очень демократичный, один из самых авторитетных юристов нашей страны, к сожалению, уже ушедший из жизни, член-корреспондент Академии наук. Он настаивал на ещё более жёстких полномочиях главы госу-

дарства, чувствуя, как может рассыпаться страна. Именно тогда Эдуард Россель создавал Уральскую республику, вырисовывались контуры Дальневосточной, не говоря уже про Северный Кавказ с его сепаратизмом; да и Татарстан, так сказать, уже со своей Конституцией жил-поживал и добра наживал. Именно купированием сепаратизма и объяснял свою позицию Сергей Алексеев. Но всё-таки, на мой взгляд, удалось найти хороший баланс между централизацией и федерализмом. Мы сумели сформировать подлинное федеративное государство. Сергей Сергеевич считал, что возможно вернуться к модели, похожей на Российскую империю, — к унитарному государству. Мы не пошли по этому пути, хотя сегодня, возможно, многим может показаться, что было бы плохо.

Я тогда был первым заместителем министра безопасности и могу с уверенностью сказать: если бы мы пошли по этому пути, могли бы и не удержать центробежные силы. Тогда не только Чечня беспокоилась, серьёзная ситуация была и в Поволжье. Я бы назвал и другие субъекты Российской Федерации. Вот, наверное, такой нюанс нужно иметь в виду, говоря о предполагаемых вариантах развития событий.

Нужно отдать должное и Борису Николаевичу, которого сегодня только ленивый не пинает. Ельцин не был сторонником сверхпрезидентской республики, крайней монополизации власти. Понимаете, он некоторые вещи просто чувствовал. Я хорошо знал этого человека, очень хорошо, как, впрочем, и ныне действующего президента. Ельцин некоторые вещи чувствовал

интуитивно, хотя и не был юристом. Владимир Владимирович — юрист, и очень неплохой, кстати...

— В документальном фильме Н. Аскер-заде «Перелом» вы говорите о поддержке Бориса Николаевича. Дайте вашу оценку его действиям осенью 1993 года. Жёсткая позиция позволила сохранить Россию, предотвратить гражданскую войну, распад государства?

— Ну что значит «поддержка»? Изначально, когда я узнал об указе 1400 (тогда работал в Президиуме Верховного Совета, возглавлял Комитет по обороне и безопасности), мы пытались его отговорить от подобных действий. В 1993 году было понятно, что мы уже близко подошли к серьёзной политической реформе. Помните, был проведён референдум «да—да—нет—да»?

— Помню...

— Так вот, обществом давалась оценка Ельцину, Верховному Совету через позицию: выборы — невыборы. Знаю не понаслышке: Ельцин был готов к досрочным выборам в 1993 году. Досрочные выборы президента и Верховного Совета, если бы это произошло, могли предотвратить реализацию печального сценария события с расстрелом Белого дома.

Было очевидно, что съезд не может управлять страной. Ну не может, и всё... В этой истории нужно было сохранить страну, поэтому, естественно, мы поддержали тогда действия, связанные с тем, чтобы готовить серьёзную политическую реформу, которая и произошла, облёкшись в форму новой Конституции: с новыми выборами, новой Государственной Думой и с новым Советом Федерации. Совета Федерации до этого у нас никогда не было.

Единственное, против чего я выступал (говорил об этом в интервью Н. Аскер-заде): палить из танков по Белому дому необходимости уже не было. Мы знали полностью обстановку в здании парламента, группа «А» уже работала тогда. После того, как штурманули ключевые объекты столицы,

причём это не депутаты делали, а те, кто пришёл в Белый дом, — так называемые защитники, условные защитники. Там, к слову сказать, кого только не было на самом деле: прикатили на горяченькое, что называется, из разных точек искали приключений. При штурме мэрии, особенно при штурме телецентра «Останкино», появились жертвы. Было понятно: они перешли грань. Это осложняло урегулирование.

Я каждый день ходил в парламент. Практически уже в качестве первого заместителя безопасности мне было поручено работать с Верховным Советом. В парламенте меня по-прежнему считали своим человеком. Я уже знал, что стоять с танками под Белым домом никакой необходимости не было. Многие называют эти события трагедией, я называю их чёрным пятном в истории российской демократии. Особенно расстрел Белого дома. Хочу сказать, что ни один депутат не пострадал, даже царапины не было. Ни один. А вот то, что шлёпнули по Белому дому, — это было отвратительно. Как и отвратительны были штурм сторонниками парламента «Останкино» и само пролитие крови с обеих сторон противостояния.

— **Амнистия говорит о великодушии Ельцина или о его политической дальновидности?**

— Ни о том, ни о другом. Амнистия была принята Государственной Думой. Я тогда был уже первым заместителем директора Федеральной службы контрразведки. Когда она состоялась, документ пришёл к нам на Лубянку. Участники событий на тот момент сидели в Лефортово. И тогда директор ФСК, бывший министр безопасности Николай Михайлович Голушко со мной советовался: «Что делать будем?». Отвечаю: «Суббота, давайте до понедельника подождём». Нет, говорит, надо выполнять закон. Соглашаюсь: «Ну, давайте будем выполнять закон» — и выпустили всех. Ельцин был тогда разгневан: «Как так? Почему выпустили?». На что Голушко сказал президенту: «Я действовал по закону». Вскоре он ушёл в отставку, и я вместо него возглавил ведомство.

— **Сергей Вадимович, смыслами, которые мы черпаем из современности, мы наполняем прошлое. Тоже вспоминаю 1993 год.**

— Вам сколько было тогда?

— Полных тринадцать.

— Во даёшь...

— **Ну помню... Жил тогда в Алма-Атинском регионе. И хочу вот что сказать с позиций Русского мира. Наши соотечественники в ближнем зарубе-**

жье в основной своей массе, конечно же, сочувствовали Верховному Совету, потому что у русских Средней Азии теплилась надежда, что Верховный Совет, победив, соберёт воедино бывший Советский Союз. Как вы считаете, это заблуждение? Иллюзия? Или, возможно, собрал бы?

— Верховный Совет навряд ли собрал бы территории бывшего СССР. Уже упоминал о решении по Крыму в 1992 году. Беловежские соглашения, с точки зрения Крыма, были абсолютно нелегитимны. Но, кроме декларации, какие реальные силы были тогда у Верховного Совета?

Сейчас вновь идёт такой перекосяк, что Ельцин только и делал, что разрушал и разрушал. А между тем работа по СНГ велась, и очень активная. У нас был специальный министр правительства по делам СНГ, и в общем-то мы работали тогда достаточно плотно. У нас, кроме прибалтийских стран, все государства были в составе СНГ: и Грузия, и Молдова, и Украина. И работали мы на самом деле в заданном направлении неплохо. Особенно в экономических вопросах, в сфере налогообложения: многие таможенные препоны были сняты.

Очень активно трудился штаб Вооружённых сил СНГ, проводились совместные учения, то есть нельзя сказать, что всё

было плохо. Я бы вообще не стал говорить о том, что у Верховного Совета и у Ельцина по отношению к СНГ были разные подходы. Я абсолютно убеждён (а с Ельциным я очень плотно работал и премьер-министром при нём был) и много раз на эту тему с ним говорил: Борис Николаевич не думал, что развалится страна. Он был глубоко уверен, что СНГ — это прообраз будущей единой страны, как и Союзный договор, который готовил Горбачёв в августе 1991 года. Единственное, что не было сделано, и я об этом говорил и Борису Николаевичу, и Бурбулису, да и Шахраю тоже: а чего вы не прописали в Беловежских соглашениях то, что готовил Горбачёв в своём Союзном договоре? Единую армию, валюту — рубль? Если бы это было прописано, Леонид Кравчук подписал бы подобный документ и никуда бы не делся. А там и Назарбаев прилетел бы из Москвы — он не полетел в Беларусь, оставшись с Горбачёвым. Вот так, наверное, если говорить объективно, обстояли внешнеполитические видения президента и парламента в 1993 году. И они практически не расходились.

Возвращаясь к выборам, скажу следующее. Надо было проводить выборы в 1992 году, после распада СССР, для меня это совершенно очевидно. Потому что съезд (сам был народным депутатом и

имею право так говорить) избирался в другой политической системе, в другой стране. А мы затянули этот процесс, и он продлился до 1993 года, к сожалению.

— **Сергей Вадимович, что действующая Конституция дала крымчанам? И что она даст жителям освобождённых регионов Новороссии?**

— Ну, во-первых, крымчане теперь полноценные граждане России по Конституции 1993 года. Это — высшая юридическая норма. Нравится это бандеровцам или нет — всё, вопрос закрыт. Навечно! А второе, самое главное — чтобы те постулаты, которые прописаны в Основном Законе (что мы — социальное государство, что власть осуществляет народ), были в полной мере реализованы и в Крыму. Если бы, конечно, не последние события с санкциями и сложностями, которые возникли с трафиком (закрытый аэропорт, осложнённая логистика для туризма), изменения были бы более ощутимы. Но, думаю, крымчане уже почувствовали, что жить стали в своей стране, но в то же время — в другом мире. У меня тоже есть с чем сравнить изменения, происходящие на полуострове: я много раз бывал в Крыму — и в советские времена, и потом, когда уже был директором ФСБ, министром, премьер-министром России, приезжал в тогда ещё украинский Крым. Я видел, как всё меняется после 2014 года. Конституция Крыму помогла. Главное, чтобы она исполнялась в регионе. Я думаю, время пройдёт, уйдут и временные сложности.

— **Что пожелаете крымчанам в Новом, 2024 году, который приближается?**

— Чтобы небо было чистым, и море — тоже. Чтобы никто не мешал людям жить и работать, отдыхать и чтобы наконец-то в замечательный новый аэропорт можно было прилететь на самолёте. Я это про себя.

Тридцать лет — совсем небольшой срок для истории, но вполне достаточный для апробации действующего Основного Закона, на основании которого строится многонациональное и подлинно федеративное государство — Россия.

Беседовал
Роман БЛИЗНЯКОВ.
Симферополь—Москва—
Симферополь.

Фото: съёмка — Николь ЧЕРНЫХ,
центр ИППО,
материалы из открытых источников.

Председатель Комитета Государственного Совета Республики Крым по информационной политике, информационным технологиям и связи Иван МАНУЧАРОВ:

— Прочитал интервью на одном дыхании. Много интересных моментов, о которых можно узнать из таких вот личных неформальных встреч журналистов нашей парламентской газеты «Крымские известия» с политиками такого высокого ранга и авторитета, как Сергей Степашин.

Личный опыт и жизненные истории формирования Конституции Российской Федерации в далёком 1993 году, рассказанные Сергеем Вадимовичем, — это своего рода учебник нашей истории и неоценимый опыт для меня как депутата и главы комитета крымского парламента. Многим читателям газеты это интервью напомнит о трагических событиях развала СССР и становления российской государственности в 90-х годах XX века. А для крымчан этот период был особенно трагичным — 23 года нахождения в украинской оккупации, под мощным прессингом бандеровской идеологии. Все эти годы Крым верил и не просто ждал, а приближал тот счастливый момент возвращения на историческую Родину — в Россию.

Хочу выразить благодарность газете «Крымские известия» и Сергею Вадимовичу за интересный экскурс в далёкие времена, в которых, по сути, по крупницам создавался фундамент для возвращения Крыма и других исторических территорий России в родную гавань.

